

A group of people in formal attire are silhouetted against a large, glowing, circular structure that resembles a giant eye or a portal. The structure has a bright orange-yellow ring around its perimeter and a dark, textured center. The background is dark with some light streaks, suggesting a futuristic or space-themed environment.

Владимир Кожевников

**Симфония
Пустоты**

Владимир Кожевников

Симфония Пустоты

<https://litres.ru/74520603>

SelfPub; 2026

Аннотация

Экипаж корабля «Реквием» — лучший хор проводников обитаемого космоса. Они не летают сквозь пространство, а уговаривают его сжаться: настраиваются на частоту вселенной и поют. Когда гибнет солистка, место в ансамбле вынуждена занять Ирэн — математик, ненавидящая космос и своего отца, капитана Гелиоса. Стареющий маэстро теряет слух, но скрывает это: он взял заказ Братства Картографов — проложить маршрут в аномалию, откуда ещё никто не возвращался. На борту зреет раскол: близнецы делят одну любовь на двоих, механик Клаус не верит в «музыку сфер» и готов отключить Резонатор, а впереди — путь в один конец. Внутри аномалии людей ждёт не враг, а Эхо — разумная акустическая жизнь, для которой человеческие голоса лишь ноты в незаконченной симфонии. Чтобы вернуться, хору придётся спеть то, чего они боятся больше всего: признать свои чувства, ошибки и вину.

Содержание

Глава 1. Увертюра для глухого	4
Глава 2. Соната для двух голосов	13
Глава 3. Фуга для расколотого хора	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Владимир Кожевников

Симфония Пустоты

Глава 1. Увертюра для глухого

Космос не пахнет. Это первое, что понимает каждый, кто впервые покидает атмосферу Земли. Ни озона, ни гари, ни влажной земли после дождя — только стерильная пустота, процеженная сквозь фильтры жизнеобеспечения. И тишина. Такая абсолютная, что начинает казаться, будто ты оглох.

Маэстро Гелиос сидел в дирижёрском кресле на капитанском мостике «Реквиема» и слушал. Точнее — пытался слушать. Правое ухо улавливало лишь смутный гул, похожий на шум далёкого прибоя. Левое ещё держалось, но и оно сдавало позиции — высокие частоты исчезали первыми, как будто кто-то медленно выкручивал ручку тембра, стирая краски мира.

Он знал, что теряет слух. Знал уже полгода. Диагноз был окончательным: двусторонняя сенсоневральная тугоухость, вызванная десятилетиями работы с Резонаторами. Профессиональное заболевание проводников. Плата за право петь космосу.

Он не сказал об этом никому.

— Капитан, курс проложен. Готовы к прыжку.

Голос старшего помощника — Вэл Кориолис, женщины с резкими чертами лица и голосом, напоминающим наждачную бумагу по стеклу, — пробился сквозь пелену. Гелиос кивнул, не оборачиваясь. Его пальцы, длинные и узловатые, как корни старого дерева, лежали на подлокотниках кресла. Они жили своей жизнью — подрагивали, перебирали невидимые клавиши, отбивали ритм, который слышал только он сам.

— Проводники готовы? — спросил он. Собственный голос показался чужим — глухим, лишённым обертонов.

— Хор в сборе. Ждут только вас.

Гелиос поднялся. Медленно, как поднимается дирижёр перед оркестром, когда знает, что это может быть его последнее выступление. Кресло скрипнуло, отпуская его. Вэл протянула ему руку, но он сделал вид, что не заметил.

Мостик «Реквиема» напоминал внутренность гигантской раковины — спиралевидные коридоры, уходящие вглубь, изгибы стен, покрытые звукопоглощающим материалом цвета старой слоновой кости. Освещение было мягким, дрожащим, как пламя свечей. Никаких резких теней, никакого металлического блеска. Корабль был спроектирован так, чтобы не мешать звуку.

В центре мостика, в углублении, напоминающем оркестровую яму, располагался Резонатор. Внешне — ничего впечатляющего: кольцо из тёмного сплава диаметром метров пять, парящее в воздухе на магнитных подвесах. Внутри

кольца — пустота. Абсолютная, идеальная, звенящая пустота, которая ждала.

Гелиос спустился по винтовой лестнице. Каждая ступенька отзывалась лёгкой вибрацией в костях — корабль жил, дышал, готовился. Проводники уже стояли на своих местах, образуя полукруг вокруг Резонатора. Семь человек. Семь голосов. Семь математиков, поэтов и безумцев, способных уговорить саму ткань пространства-времени сжаться в точку.

Он оглядел их. Орион и Сириус — близнецы, стоящие плечом к плечу, одинаковые до жути, но с разными глазами. У Ориона — серые, как штормовое небо, у Сириуса — зелёные, как молодая листва. Между ними — лёгкое напряжение, которое Гелиос чувствовал даже сквозь свою угасающую глухоту. Орион смотрел на Ирэн. Сириус — на новенького штурмана, молодого человека с тонкими чертами лица и слишком длинными пальцами. Гелиос отметил это, но промолчал. Личные драмы не должны мешать гармонии.

Клаус — механик, стоящий в стороне, скрестив руки на груди. Его присутствие здесь было формальностью: он не пел, не настраивался, не верил. Он просто наблюдал, как старый медведь, которого насильно привели на балет. На его поясе висел тяжёлый гаечный ключ — символ его веры в грубую силу. Гелиос знал, что Клаус считает всю эту «музыку сфер» мистическим вздором. И знал, что рано или поздно это приведёт к конфликту.

И девушка в дальнем конце полукруга. Тонкая, как тро-

стинка, с волосами цвета тёмного мёда, собранными в тугой узел. Она смотрела в сторону, и её губы были плотно сжаты. На её левом запястье — тонкий серебряный браслет, который она никогда не снимала. Подарок матери. Единственное, что осталось.

Ирэн.

Гелиос почувствовал, как что-то сжалось в груди. Гордость? Вина? Страх? Он не мог разобрать. Слишком много лет прошло с тех пор, как он видел её в последний раз. Слишком много слов осталось несказанными. Она выросла без него — он был слишком занят, слишком далеко, слишком погружён в свою музыку и своё искупление. А теперь она стояла здесь, потому что погибла солистка, и некому было заменить. Вселенная имела извращённое чувство юмора.

— Начнём, — сказал он, и его голос эхом разнёсся по залу.

Проводники выпрямились. Близнецы переглянулись — короткий, почти незаметный взгляд. Орион едва заметно кивнул Сириусу, и Сириус отвернулся, плотно сжав губы. Ирэн подняла голову. Клаус хмыкнул.

Гелиос поднял руки.

И мир зазвучал.

Сначала это была настройка. Каждый голос находил свою частоту — низкий, вибрирующий бас Клауса (он всё-таки пел, хотя и отрицал это), чистые теноры близнецов, звонкое

сопрано Ирэн. Гелиос не пел. Он слушал. Его руки двигались, как крылья бабочки, как ветви на ветру, как волны, накатывающие на берег.

Резонатор отозвался. Кольцо начало светиться — тускло, потом ярче, пока внутри него не вспыхнула сфера из чистейшего белого света. Пустота внутри кольца задрожала, как поверхность воды перед дождём.

И тут Гелиос почувствовал это. Пространство вокруг корабля начало сжиматься. Не метафорически — физически. Он ощущал, как ткань реальности натягивается, как кожа на барабане, как струна, которую закручивают всё туже. Воздух в зале стал плотным, тяжёлым, как перед грозой. Каждый вдох давался с трудом.

— Держим, — прошептал Гелиос. — Держим.

Звёзды за обшивкой начали растягиваться в линии, линии — в полосы, полосы — в бесконечные реки света. «Реквием» нырнул в эти реки, и пространство вокруг него сложилось, как лист бумаги, превращаясь в бесконечно тонкую линию, соединяющую две точки в пустоте.

И тут что-то пошло не так.

Сириус, чей голос должен был держать нижнюю гармонику, на долю секунды отвлёкся. Его взгляд метнулся к штурману — молодому человеку с тонкими пальцами, — и в этот момент нота дрогнула. Резонатор отозвался рябью, белая сфера пошла волнами, как вода в пруду, в который бросили камень.

Гелиос почувствовал это мгновенно. Опыт — двадцать лет в космосе, сотни прыжков — подсказал ему решение раньше, чем он успел подумать. Он сделал шаг вперёд, вскинул руки, и его собственный голос — хриплый, надломленный, но всё ещё сильный — вплёлся в гармонию. Он не пел мелодию. Он пел ритм — простой, как удар сердца, как пульс, как дыхание. Основу. Фундамент, на котором держится всё остальное.

Сириус вздрогнул, услышав голос капитана. Его взгляд вернулся к Резонатору. Голос выровнялся. Сфера перестала дрожать.

Прыжок состоялся.

После прыжка Гелиос ушёл в свою каюту. Он не стал дожидаться отчётов, не стал проверять показатели, не стал разговаривать с экипажем. Просто ушёл, тяжело опираясь на трость, которую старался не показывать на людях.

Но у двери его ждала Ирэн.

— Капитан, — сказала она. Голос — ровный, холодный. Как будто она говорила с незнакомцем.

— Ирэн. — Он остановился. Не обернулся. — Что-то случилось?

— Ничего. — Пауза. — Вы пели. Я не знала, что вы ещё можете.

Он молчал. Слова застревали в горле.

— Я думала, вы только дирижируете, — продолжила она.

— Я думала, вы больше не поёте.

— Иногда приходится, — сказал он. — Когда гармония под угрозой.

— Гармония, — повторила она. В её голосе не было ни тепла, ни холода. Только пустота. — Это всё, что вас волнует, верно? Гармония. Музыка. Космос.

Он наконец обернулся. Она стояла в нескольких шагах от него — тонкая, прямая, как струна. Глаза — серые, как у матери. Губы сжаты. Браслет на запястье поблёскивал в тусклом свете коридора.

— Ирэн, — сказал он. — Я...

— Не надо, — перебила она. — Я здесь, потому что должна быть. Потому что погибла солистка, и некому было заменить. Я здесь, потому что это мой долг. Но не думайте, что это что-то меняет.

Она повернулась и ушла. Её шаги были лёгкими, почти беззвучными — как у проводника, который знает, что каждый звук имеет значение.

Гелиос смотрел ей вслед. Потом вошёл в каюту. Сел на кровать. Посмотрел на фотографию.

— Я исправлю, — прошептал он. — Я всё исправлю.

Он не слышал собственного голоса. Но это было неважно. Он уже давно научился говорить с тишиной.

Кабюта была маленькой и аскетичной. Кровать, стол, стул. На стене — единственное украшение: старинная фотогра-

фия в рамке. На ней — молодой Гелиос, ещё с волосами, ещё с улыбкой, и рядом — женщина с глазами цвета морской волны. Между ними — маленькая девочка с двумя косичками.

Он достал из кармана аудиометр. Приложил к правому уху. На экране появилась прямая линия.

Тишина.

Он отложил аудиометр. Взял со стола планшет, открыл файл. На экране появилось письмо — зашифрованное, без подписи, но он знал, от кого оно.

«Маэстро. Мы ждём вас. Маршрут будет передан после подтверждения. Помните: возвращение не предусмотрено. Братство Картографов».

Гелиос закрыл глаза. В памяти всплыло лицо — молодое, испуганное, с широко раскрытыми глазами. Лицо мальчика, который доверился ему и погиб. Лицо, которое он видел каждую ночь уже двадцать лет.

Его звали Томас. Ему было девятнадцать. Он был гениальным проводником — возможно, лучшим из всех, кого знал Гелиос. Во время прыжка в системе Тау Кита что-то пошло не так. Резонатор дал сбой. Гелиос отдал приказ продолжать — слишком поздно понял, что частота нестабильна. Томас пел до конца. Он держал гармонию, пока его голосовые связки не разорвались, пока кровь не пошла горлом, пока он не упал замертво на палубу. Ему было девятнадцать.

Гелиос выжил. Томас — нет.

Аномалия, которую искало Братство Картографов, находилась за пределами известного космоса. Там, где законы физики переставали работать. Там, где, по слухам, находился источник — или могила — самой музыки сфер. Братство верило, что там можно найти ответ на вопрос, который мучил человечество с тех пор, как оно научилось петь: почему вселенная звучит? И что произойдёт, если звук оборвётся?

Гелиос не верил в ответы. Он верил в искупление.

— Я иду, — прошептал он. — Я исправлю.

Он не слышал собственного голоса. Но это было неважно. Он уже давно научился говорить с тишиной.

Глава 2. Соната для двух голосов

Ирэн ненавидела космос с тех пор, как научилась думать.

Это была не абстрактная ненависть — не страх перед бесконечностью, не клаустрофобия, не тоска по дому. Это была ненависть, замешанная на конкретных вещах. На запахе озона в коридорах интерната. На звуке шагов воспитательницы, которая приходила сообщать о гибели родителей. На холодном серебре браслета, который мать сняла с руки перед последним прыжком и отдала ей — «на память».

Мать погибла, когда Ирэн было семь. Прыжок в системе Сириуса. Резонатор дал сбой. Мать пела до конца — держала гармонию, пока корабль не вынырнул в нормальное пространство. Экипаж выжил. Мать — нет. Её голосовые связки разорвались. Кровь заполнила лёгкие. Она умерла через три часа после прыжка, в медицинском отсеке, с открытыми глазами.

Отец был там. Он видел. Он не смог её спасти.

А потом он ушёл. Вернулся в космос. Оставил Ирэн в интернате — «временно», как он сказал. Временно растянулось на десять лет.

Она выросла среди детей, которые понимали её без слов. Среди детей, которые знали, что такое терять. Среди детей, которые пели по ночам, чтобы не слышать тишину.

Она была лучшей в математике. Её голос был чистым и

точным, как лазер. Учителя говорили: «Ты пойдёшь далеко». Она кивала и думала: «Я никуда не пойду. Я останусь на Земле. Я буду преподавать. Я буду жить в доме с окнами, из которых видно небо, а не звёзды».

Но потом погибла солистка «Реквиема». И Вэл Кориолис — старший помощник, женщина с голосом, как наждачная бумага, — пришла к ней в общежитие и сказала:

— Нужна замена. Гелиос просил передать, что это твой шанс.

Шанс. Ирэн хотела рассмеяться. Шанс на что? На то, чтобы умереть, как мать? На то, чтобы сойти с ума, как отец? На то, чтобы стать одной из тех, кто поёт космосу, пока не потеряет голос, слух, жизнь?

Она согласилась.

Не потому, что хотела. Потому что это был долг. Потому что она была проводником. Потому что в её крови звучала музыка, от которой нельзя было отказаться.

И вот теперь она стояла в коридоре «Реквиема» — после первого прыжка, после того, как услышала голос отца впервые за десять лет. Он пел. Он всё ещё мог петь. И это было хуже всего.

Она дошла до своей каюты — маленькой, тесной, с иллюминатором, за которым застыла чернота. Села на койку. Сняла с запястья браслет. Серебро было холодным. Как и всё в этом корабле.

В дверь постучали.

— Открой, — сказал голос. Мужской. Молодой. — Это Орион.

Она не хотела открывать. Но что-то в его голосе — настойчивость, теплота, — заставило её подняться.

Орион стоял на пороге. Он был высоким, широкоплечим, с серыми глазами, которые смотрели прямо, без уловок. В руках он держал две чашки — дымящийся чай, аромат которого заполнил тесное пространство коридора.

— Я подумал, ты захочешь согреться, — сказал он. — После прыжка всегда знобит.

Она взяла чашку. Пальцы коснулись его пальцев. Тепло. Неожиданное.

— Спасибо, — сказала она.

Он не уходил. Стоял, переминаясь с ноги на ногу. Смотрел на браслет в её руке.

— Красивый, — сказал он. — Это серебро?

— Да. — Она не стала объяснять. — Подарок.

Он кивнул. Помолчал.

— Ты хорошо пела сегодня, — наконец произнёс он. — В прыжке. Я слышал.

— Я пела неправильно, — ответила она. — Твой брат отвлёкся из-за меня.

Орион нахмурился.

— Сириус отвлёкся не из-за тебя.

— Я знаю. — Пауза. — Но он смотрел на меня до этого.

Орион опустил глаза. Долгое молчание. Чай в чашке дрог-

нул — корабль слегка вибрировал, как всегда после прыжка.

— Он смотрит на всех, — сказал Орион наконец. — Такой уж он. Смотрит, но не видит.

— А ты?

— Что я?

— Ты видишь?

Он поднял на неё глаза. Серые, как штормовое небо. В них было что-то — не слова, не мысли, а что-то глубже. Что-то, что не имело имени.

— Вижу, — сказал он тихо. — Слишком хорошо вижу.

Он повернулся и ушёл. Быстро, почти бегом. Его шаги эхом отдавались в коридоре.

Ирэн закрыла дверь. Прислонилась к ней спиной. Сердце билось слишком быстро.

«Слишком хорошо вижу».

Что это, чёрт возьми, значит?

В другом конце коридора, у двери штурманской рубки, стоял Сириус.

Он видел, как Орион вышел из каюты Ирэн. Видел, как брат почти бежал по коридору, прижимая к груди пустую чашку. Видел, как дверь закрылась за ним.

Сириус прислонился к стене. Закрыв глаза.

Он не ревновал. Не в том смысле, в каком ревнуют обычно. Он не хотел Ирэн для себя. Он хотел... чего-то другого. Чего-то, что не имело названия.

Он хотел, чтобы кто-то смотрел на него так, как Орион смотрел на Ирэн. Чтобы кто-то видел его — не близнеца, не второго, не отражение. Его самого.

Дверь штурманской рубки открылась. На пороге стоял молодой человек — тот самый, с тонкими чертами лица и слишком длинными пальцами. Его звали Алекс. Он был новеньким — пришёл на «Реквием» месяц назад, после гибели солистки. Он не пел — он прокладывал курс. Но Сириус слышал, как он напевает по ночам. Тихо, почти беззвучно. Как будто боится, что кто-то услышит.

— Ты долго будешь стоять здесь? — спросил Алекс. — Или зайдёшь?

Сириус открыл глаза. Посмотрел на него. Алекс улыбнулся — уголком губ, чуть насмешливо, чуть тепло.

— Зайду, — сказал Сириус.

Он шагнул в рубку. Дверь закрылась за ним.

В это время в инженерном отсеке Клаус разбирал двигатель.

Он не должен был этого делать. Резонатор работал исправно. Прыжок прошёл гладко — почти. Но Клаус не верил в «гладко». Клаус верил в цифры, в механику, в законы термодинамики. И он знал: то, что не поддаётся измерению, рано или поздно подведёт.

Он лежал под главным контуром, весь в машинном масле, с гаечным ключом в руке. Вокруг него громоздились трубы,

кабели, панели управления. Здесь, внизу, корабль был другим — не раковиной, а лабиринтом. Металлическим, холодным, честным.

— Ты снова копаешься, — сказал голос сверху.

Клаус вылез из-под контура. Вэл Кориолис стояла на площадке, скрестив руки. Её лицо — как всегда — не выражало ничего.

— Проверяю, — буркнул он.

— Гелиос не просил проверять.

— Гелиос много о чём не просит.

Она спустилась по лестнице. Села на ящик с инструментами. Посмотрела на него — долгим, внимательным взглядом. Он чувствовал этот взгляд на своей коже, как прикосновение.

— Ты не веришь в это, да? — спросила она. — В музыку. В гармонию. В то, что мы делаем.

— Я верю в то, что вижу, — ответил он. — Вижу трубы. Вижу клапаны. Вижу давление. А музыку — не вижу.

— Но ты поёшь.

Он замер.

— Ты поёшь, — повторила она. — Я слышала. Сегодня. Твой бас. Ты держал нижнюю гармонику.

— Кто-то должен держать, — сказал он. — Иначе всё развалится.

— Значит, ты веришь.

Он покачал головой.

— Я не верю. Я делаю. Это разные вещи.

Вэл встала. Подошла к нему. Близко. Слишком близко. Он чувствовал запах её кожи — металл, пот, что-то ещё, тонкое, как дым.

— Знаешь, в чём твоя проблема, Клаус? — сказала она. — Ты боишься не того, что музыка не работает. Ты боишься, что она работает. Потому что тогда всё, во что ты верил, окажется ложью.

Она повернулась и ушла. Её шаги затихли в глубине коридора.

Клаус остался стоять. Гаечный ключ в его руке дрожал.

Он посмотрел на свои руки — грубые, мозолистые, покрытые шрамами. Руки, которые чинили, строили, держали. Руки, которые никогда не дрожали. До сегодняшнего дня.

Ирэн не могла уснуть.

Она лежала на койке, уставившись в потолок. Браслет — на тумбочке, рядом с чашкой недопитого чая. Тишина давила на уши. Такая же тишина, как в интернате, когда она лежала без сна и слушала, как где-то далеко плачет другая девочка.

Она закрыла глаза.

И почувствовала это.

Сначала — лёгкая вибрация в костях. Потом — звук. Не через уши. Через кожу. Через кровь. Через что-то глубже, что-то, что не имело названия.

Голос.

Он не был человеческим. Он не был механическим. Он был... везде. В стенах, в воздухе, в её собственных венах. Он пел — но не мелодию. Он пел вопрос.

«Кто ты?»

Ирэн открыла глаза. Тишина. Только шум вентиляции. Только стук её сердца.

Но что-то осталось. Что-то, что она не могла назвать. Ощущение, что её коснулись. Не физически — глубже. Как будто кто-то заглянул в неё и нашёл там что-то, о чём она сама не знала.

Она села. Посмотрела на браслет. Серебро тускло мерцало в полумраке.

Она слышала этот голос раньше. Не в космосе. На Земле. В интернате, ночью, когда лежала без сна и слушала тишину. Тогда она думала, что это сон. Игра воображения. Но теперь...

Теперь она знала. Это не сон.

— Кто ты? — прошептала она в темноту.

Ответа не было. Только тишина. Но в этой тишине было что-то. Что-то, что ждало.

Глава 3. Фуга для расколотого хора

Репетиция началась в семь утра по корабельному времени.

Гелиос стоял в центре зала, спиной к Резонатору, лицом к хору. Семь проводников — семь голосов — выстроились полукругом. Между ними и капитаном лежала партитура — не бумажная, а голографическая, светящаяся мягким синим светом. Ноты плыли в воздухе, как рыбы в аквариуме.

— Начнём с «Арии Пустоты», — сказал Гелиос. — Сириус, ты ведёшь. Орион, держишь нижнюю гармонику. Ирэн — контрапункт.

Он поднял руки. Пальцы дрожали — он знал это, но не мог остановить. Возраст. Усталость. Болезнь. Всё это отступало, когда начинала звучать музыка.

Сириус сделал вдох. Его тенор поднялся в воздух — чистый, прозрачный, как горный ручей. Орион подхватил — ниже, глубже, как земля под водой. Ирэн вошла третьей — её сопрано разрезало гармонию, как луч света разрезает тьму.

Гелиос закрыл глаза. Он не слышал — вернее, слышал не всё. Правое ухо молчало. Левое ловило обрывки — верхние ноты, некоторые обертоны. Но тело помнило. Тело чувствовало вибрации, проходящие через палубу, через воздух, через кости. Он дирижировал по памяти, по интуиции, по чему-то, что было глубже слуха.

Это было красиво. Это всегда было красиво. Но сегодня что-то шло не так.

Сириус пел, глядя на Алекса. Алекс стоял у стены — он не участвовал в репетиции, но его присутствие ощущалось. Сириус пел для него. Каждая нота, каждый вздох, каждое движение губ — всё было адресовано ему.

Орион пел, глядя на Ирэн. Его голос был тёплым, глубоким, полным чего-то, что не имело названия. Он не пел для неё — он пел ей. Как будто в зале были только они двое.

Ирэн пела, глядя в никуда. Её голос был точным, безупречным, но холодным. Она не пела ни для кого. Она просто выполняла работу.

Гармония держалась. Но это была хрупкая гармония — как стекло, которое вот-вот треснет.

И тут Сириус сбился.

Одна нота — всего одна. Он взял её слишком высоко. Не на полтона — на четверть. Но этого было достаточно. Гармония дрогнула. Резонатор отозвался — лёгкой вибрацией, почти незаметной. Но Гелиос почувствовал.

— Стоп, — сказал он.

Музыка оборвалась. Проводники опустили руки. Сириус побледнел. Орион посмотрел на брата. Ирэн — в сторону.

— Сириус, — сказал Гелиос. — Ты поёшь для Алекса. Не для космоса.

Тишина. Сириус сжал кулаки.

— Я... я не...

— Ты поёшь для него, — повторил Гелиос. — Я слышу. Твой голос идёт в сторону. Он не вплетается в гармонию. Он... отделяется.

Сириус молчал. Его глаза — зелёные, как молодая листва, — горели.

— Капитан, — сказал Орион. — Может, не стоит...

— Стоит, — отрезал Гелиос. — Мы идём в аномалию. В место, откуда не возвращаются. Если мы не будем единым целым — мы погибнем. Все. Ты понимаешь это, Сириус?

Сириус поднял на него глаза. В них не было гнева. Только боль.

— Я понимаю, — сказал он тихо. — Но я не могу петь иначе. Я пытался. Я не могу.

Он повернулся и вышел из зала. Быстро, почти бегом. Дверь хлопнула.

Тишина. Гелиос закрыл глаза. Он не слышал собственного дыхания. Не слышал, как бьётся его сердце. Только тишину — и в этой тишине голос, который он пытался забыть.

Голос Томаса. Мальчика, который умер, потому что он, Гелиос, отдал неверный приказ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.